

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблема исторических контактов). М., 1978, 302 стр. Отв. редакторы — А. И. Першица и А. М. Хазанов.

Человечество едино и в то же время каждая культура уникальна. Подчиняясь в принципе единым законам развития, любое общество проходит свой неповторимый путь, обусловленный своеобразием природной и историко-культурной обстановки. Эти идеи далеко не новы. С ними приходится иметь дело каждому, кто изучает конкретную историю того или иного общества. Вместе с тем в области теоретического осмысления проблемы неравномерности общественного развития и ее последствий сделано далеко не все. Действительно, коль скоро отдельные культуры являются неповторимыми комплексами и в то же время находятся в постоянном взаимодействии, ибо полной изоляции никогда и нигде не было, их носители не могут не обмениваться в той или иной степени информацией, не могут не испытывать влияния со стороны соседей. Какой характер имела эта информация, в чем выразилось влияние и, главное, как видоизменялись взаимодействия культур на разных этапах общественного развития, какой отпечаток накладывали на них стадийные различия между контактировавшими коллективами—все эти и многие другие вопросы еще ждут своих исследователей.

Нельзя сказать, что поставленная проблема является белым пятном в этнографии. Известные шаги к ее решению начали предприниматься с тех пор, как в русле исследований американских диффузионистов сложилось направление, ставившее своей задачей изучение проблемы аккультурации. Однако в центре внимания исследователей этого направления было изучение взаимоотношений, типичных главным образом для колониальной ситуации, т. е. возникших между представителями капиталистического мира и народами, отставшими в своем развитии и испытывавшими гнет со стороны белых колонизаторов в условиях ломки традиционной общественной структуры. Не претендуя на полное освещение проблемы межкультурных контактов в исторической перспективе, исследования по аккультурации создали прецедент, который подвел многих специалистов к мысли о том, что подобного рода контакты могли иметь существенное значение и на более ранних этапах человеческой истории. Эта проблема ставилась, а порой даже весьма интересно решалась на конкретных материалах в отдельных региональных исследованиях, однако глубокое ее изучение на теоретическом уровне с привлечением материалов из различных районов мира оставалось до сих пор не более чем благим пожеланием.

Вот почему такой большой интерес вызывает вышедшая недавно под редакцией А. И. Першица и А. М. Хазанова коллективная монография советских ученых «Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблема исторических контактов)», призванная до известной степени заполнить существующий пробел в наших знаниях и имеющая в силу этого, безусловно, новаторский характер. Перед ее авторами стояла вдвойне сложная задача: во-первых, рассмотреть проблему контактов дифференцированно, т. е. создать типологию контактов, во-вторых, что значительно труднее, реконструировать картину контактов для обществ далекой древности и средневековья (до XVI в. н. э.).

Монография состоит из двух теоретических обобщающих глав (вводная и заключительная), написанных А. И. Першицем и А. М. Хазановым, и девяти региональных глав, в которых рассмотрены конкретные материалы о межкультурных контактах в таких районах, как Европа (А. М. Хазанов), Южная Азия (Е. М. Медведев), Юго-Восточная Азия (М. А. Членов), Восточная Азия (Д. В. Деопик, С. А. Арутюнов), Южная Сибирь (В. Г. Савинов), Северная Азия (Ю. Б. Симченко), Африка (Л. Е. Куббель), Америка (Л. А. Файнберг), Австралия и Океания (Л. А. Файнберг). К сожалению, вне сферы исследования осталась Передняя Азия, где осуществлялись древнейшие контакты между классовыми и доклассовыми обществами.

Первая глава, написанная А. И. Першицем и А. М. Хазановым, посвящена постановке проблемы первобытной дихотомии, под которой авторы понимают разграничение ис-

тории первобытных обществ на два этапа: до возникновения древнейших государств и после. Соответственно первобытные общества первого этапа получают название аподольных (АПО), а второго — синполитейных (СПО) — стр. 5. Грань между ними определяется тем, что «отныне воздействия одних обществ на другие стали качественно иными — не только внутростадиальными и межстадиальными, но и межформационными» (стр. 7). Подразделение первобытных обществ на АПО и СПО необходимо авторам для постановки важнейшей источниковедческой проблемы о пригодности материалов о СПО для реконструкции истории АПО. А. И. Першиц и А. М. Хазанов предлагают стройную типологию СПО, среди которых они различают общества-стагниаты, определяющиеся «относительным застоем», общества-лентаты с «замедленным развитием» и общества-регрессаты, характеризующиеся «вторичным одичанием» (стр. 8, 9). Следует оговорить, что авторы в данном случае пишут о замедленном развитии СПО, лишь имея в виду относительно низкие темпы их развития в широкой исторической перспективе по сравнению с соседними более развитыми обществами. Изучение взаимоотношений СПО с синхронными классовыми обществами требует решения целого комплекса сложных задач: установления эффективности контактов в разных сферах культуры (материальной, социальной, духовной), решения вопроса о степени устойчивости различных общественных структур, как базисных, так и надстроечных, по отношению к внешнему воздействию, выявления взаимосвязи между характером контактов и их результатами и региональных особенностей контактов, анализа обратного влияния СПО на классовые общества и т. д. Исследование всех этих проблем помимо всего прочего имеет важное теоретическое значение для решения давнего вопроса о репрезентативности СПО для реконструкций АПО. Совершенно справедливо указывая на зависимость этой репрезентативности от типа СПО и от их трансформации вследствие тех или иных контактов с цивилизациями, авторы, к сожалению, не уделяют достаточного внимания еще одному важному компоненту — характеру самой реконструкции. Ведь для различных целей реконструкции одно и то же общество обладает, очевидно, и разной степенью репрезентативности. Видимо, имело бы смысл разделение реконструкций на общие и конкретные в зависимости от тех закономерностей, которые составляют фокус исследования, не говоря уже о том, что реконструкции различных сфер культуры требуют привлечения различного типа материалов, в разной степени репрезентативных. Одно дело — общие статистические закономерности, и совсем другое — частные или региональные. Стадиальные закономерности отражают логику внутреннего развития обществ и, таким образом, действуют относительно вне зависимости от внешних обстоятельств (относительно потому, что форма их проявления может определяться окружающей средой) до тех пор, пока, общество не перейдет на новую ступень развития. Напротив, характер региональных закономерностей во многом зависит именно от внешних условий, которые и порождают картину значительной вариабельности. Поэтому выделенные на материалах СПО стадиальные закономерности могут, очевидно, служить эквивалентом или, иначе говоря, тождеством, а региональные — лишь аналогом тем закономерностям, которые наблюдались в АПО (ср. со стр. 9).

Рассматривая конкретные материалы европейской истории III тысячелетия до н. э. — середины II тысячелетия н. э. во второй главе, А. М. Хазанов делает основной акцент на взаимоотношениях классовых обществ с их первобытной периферией в античный период. И это справедливо, так как именно в античную эпоху в сферу контактов с цивилизацией была втянута основная масса первобытных коллективов Европы и, как показывает автор, проходили сложнейшие процессы взаимовлияний, имевшие самые разные последствия. Важным представляется вывод А. М. Хазанова о том, что наиболее восприимчивыми к воздействию античной цивилизации оказались племена, в которых далеко зашли процессы разложения первобытных отношений; более отсталое население оказалось менее восприимчивым (стр. 22). В раннем средневековье бурно шли процессы создания местной государственности у самых разных народов, область первобытной периферии стремительно сужалась. Что же касается предшествовавшего античности периода (III—II тысячелетия до н. э.), то степень его изученности пока что не позволяет решить многие из затронутых проблем. Все же взаимоотношения Европы с Передней Азией, имеющие прямое отношение к поставленным проблемам, для этого периода могли бы быть освещены несколько более подробно. Так, в III тысячелетии до н. э. наблюдалось проникновение в Европу овцеводческих культур характерного переднеазиатского облика¹, что могло быть следствием становления государственности в Передней Азии². Свидетельством обратного влияния периферии было проникновение хирбет-керамской культуры в Палестину, а также появление хеттов, лувийцев и палайцев в Анатолии и индоиранцев в южной части Армянского нагорья и Северной Месопотамии. Видимо, индоевропейцы принесли с собой не только коневодство и боевые колесницы (стр. 19), но и определенные черты социальной организации, верований и т. д.

В третьей главе, посвященной Южной Азии, Е. М. Медведев уделяет основное внимание двум моментам: контактам хараппской цивилизации с окружающими первобытными племенами и взаимоотношениям ариев и автохтонов, следствием которых было

¹ Н. Калиц. Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестностей Будапешта. — «Сов. археология», 1976, № 2, с. 114, 115; J. Murray. The first European agriculture. Ed nburgh, 1970, p. 103—107.

² И. Н. Хлопич. Сегментация в истории первобытного общества. — «Вопросы истории», 1968, № 8, с. 108.

распространение варново-кастовой системы. Умело оперируя материалами древних письменных источников, автор рисует интересную картину взаимоотношений ариев с автохтонным населением. Правда, при анализе литературы, подобной ведической, всегда следует иметь в виду вероятность неадекватного отражения в ней происходивших этнических процессов. Е. М. Медведев, безусловно, прав, отмечая, что на определенном этапе «традиционные брахманские воззрения, особенно в классификации конкретных народов и их перечислении, разошлись уже и с реальной действительностью» (стр. 61). Особенно детально рассмотрены в главе формирование варново-кастовой системы и механизмы ее распространения. И это не случайно, так как именно она определяла основное своеобразие этнических взаимоотношений в Индии. Процесс контактов харапской цивилизации с соседями в целом удачно освещен автором. Уточнения требуют лишь некоторые частные моменты. Так, в свете новых данных культуры типа Амри, Кот-Диджи, Калибанган и др. (стр. 43) принято считать не синхронными харапской, а прехарапскими или раннехарапскими³. Пересмотрен и вопрос о «культуре медных кладов и желтой керамики» (стр. 45). Ее корни теперь связывают (по крайней мере частично) с дохарапской культурой долины Инда и с дравидоязычным населением⁴.

В четвертой главе, анализируя данные из Юго-Восточной Азии, М. А. Членов концентрирует внимание на трех основных проблемах: а) происхождение бронзолитейного дела и становление государственности; б) «индуизированные» государства; в) отношения между классовыми обществами и периферией внутри региона. Говоря о местных корнях бронзолитейного производства, М. А. Членов делает это предположение в весьма осторожной форме (стр. 79), так как, когда эта глава писалась, еще имелись некоторые сомнения в справедливости такого суждения. Теперь же, после открытия в северо-восточном Таиланде культуры Банчиенг (IV—III тысячелетия до н. э.), носители которой, безусловно, занимались металлургией, указанное предположение следует считать полностью оправдавшимся. Описывая процесс «индуизации», автор приходит к важному заключению о том, что ее влияние «проявилось прежде всего в принятии необходимого внешнего оформления государственности, которая, как можно полагать, к моменту „индуизации“ уже находилась на пороге формирования» (стр. 82). Другой не менее существенный вывод заключается в том, что обширная торговая сеть, созданная торговыми этносами, почти не оказала воздействия на развитие многих первобытных обществ внутренних районов крупных островов (стр. 88). Вместе с тем взаимоотношения с соседями привели в ряде случаев к «вторичному одичанию» первобытных групп (стр. 90).

В пятой главе Д. В. Деоник исследует взаимоотношения центра и периферии в Китае с XV в. до н. э. по XV в. н. э., т. е. на протяжении девяти различных исторических эпох. Несмотря на сложность задачи и обилие материала, автору в целом удалось выявить основные черты своеобразия, характерные для каждого из рассмотренных периодов, на протяжении которых возникли и исчезали государства, менялось их этническое окружение, в контакты вступали самые различные по уровню культурного и социального развития коллективы. Обилие материала и многоплановость поставленных проблем при ограниченном объеме, к сожалению, не позволили остановиться сколько-нибудь подробно на каждой из них. В ряде случаев у читателя возникает желание получить более конкретную информацию по тем или иным вопросам. В той же главе содержатся материалы о Корее и Японии, где, по мнению С. А. Арутюнова, преобладали тенденции местного спонтанного развития, которое и привело постепенно к возникновению местной государственности. Внешние влияния оказывали лишь чисто формальное воздействие. Особый интерес имеет вопрос об исторических судьбах айнов. Как считает С. А. Арутюнов, воздействие японского центра на развитие социальных отношений у них до XVIII в. было невелико (стр. 124).

В шестой главе, детально исследуя процесс влияния классовых обществ на население Южной Сибири, В. Г. Савинов прослеживает его главным образом в хозяйстве и материальной культуре и в меньшей степени — в духовной сфере. Его выводы достаточно надежно документированы археологическими материалами. Все же хотелось бы предостеречь против их переоценки, так как археологическая картина в ряде случаев отражает действительность в несколько искаженном свете, ибо далеко не все сферы деятельности людей находят выражение в материальных объектах, изучаемых археологами.

В седьмой главе, посвященной Северной Азии, Ю. Б. Симченко приходит к интересному выводу о том, что разновременные этнические миграции с юга на север приводили не столько к трансформации культуры аборигенов, сколько к приспособлению пришлых групп к традиционному укладу народов Севера (стр. 154). Вместе с тем, в какой бы форме ни проявлялись контакты такого рода, они красноречиво свидетельствуют против заключения автора о том, что «население тундровой и северотаежной зон Азиатского

³ F. R. Allchin. Problems and perspectives in South Asian archaeology.— «South Asian archaeology». London, 1973, p. 7; M. R. Mughal. New evidence of the early Harappan culture from Jalilpur, Pakistan.— «Archaeology», 1974, v. 27, № 2, p. 107.

⁴ A. Parpola. On the prehistory of the Indian languages in the light of archaeological, linguistic and religious evidence: an attempt of integration. «South Asian archaeology, 1973». Leiden, 1974, p. 93.

материка еще несколько веков назад являлось совершенным изолятом» (стр. 160). И еще одно следует отметить. Здесь, как и в своей недавно вышедшей монографии,⁵ Ю. Б. Симченко настаивает на идее конвергентного возникновения оленеводства у народов Севера (стр. 149, 150). Развернутой аргументации этого ответственного заключения он, к сожалению, не приводит; не рассматривает он и аргументов своих оппонентов. Не имея возможности остановиться на этой сложной проблеме сколько-нибудь подробно, хочется обратить внимание на некоторые факты, противоречащие концепции Ю. Б. Симченко. Во-первых, есть веские основания считать, что до появления на Севере крупнотабунного оленеводства некоторые местные народы представляли собой не «охотников на дикого оленя» (стр. 150), а «охотников-оленьеводов тундры»⁶. Во-вторых, развитие крупнотабунного оленеводства на Крайнем Севере, по крайней мере частично, было прямо или косвенно связано с внешним влиянием — с процессами, вызванными укреплением государственности как в России⁷, так и в Скандинавии⁸.

Весьма насыщенной фактическими материалами и оригинальными выводами представляется восьмая глава об Африке, написанная Л. Е. Куббелем; в ней автор последовательно рассматривает такие проблемы, как распространение производящего хозяйства и металлургии железа, рабства и работорговли, сложение классовых обществ, роль крупных миграций и мировых религий. Рассматривая разные теории о появлении производящего хозяйства в Африке и отмечая серьезные разногласия среди специалистов, Л. Е. Куббель склоняется к мысли о ведущей роли Нильской долины в распространении земледелия и скотоводства по Африканскому континенту (стр. 167), хотя и подчеркивает малую изученность этой проблемы. Действительно, исследования, соответствующие уровню развития современной науки, здесь еще только начинаются, и в ближайшее время следует ожидать самых удивительных открытий. От некоторых традиционных представлений следует отказаться уже сейчас. Так, до сих пор считалось, что пшеница и ячмень были занесены в Египет из Передней Азии. Между тем в самые последние годы удалось доказать, что дикий ячмень рос в Северо-Восточной Африке в конце плейстоцена — начале голоцена. Есть и данные о его местной доместикиции на рубеже VII—VI тысячелетий до н. э. Другое важное открытие было сделано в Центральном Судане, в районе, который долго рассматривался как заповедная область пережиточного охотничье-рыболовческого неолита. После раскопок поселения Кадеро стало ясно, что земледелие и скотоводство существовали здесь по меньшей мере с середины IV тысячелетия до н. э., причем уже тогда выращивались сорго и просо — важнейшие растения чисто африканского сельскохозяйственного комплекса. Оба открытия значительно меняют традиционные представления, однако в целом они соответствуют выводу Л. Е. Куббеля о ведущей роли Северо-Восточной Африки в процессе становления и раннего распространения земледелия по Африканскому континенту.

В девятой главе Л. А. Файнбергу, несмотря на скудость и противоречивость археологических данных, удается наметить общее направление и характер контактов древних цивилизаций Америки с их первобытной периферией, хотя многие вопросы по-прежнему пришлось оставить открытыми. Автор кратко, но убедительно показывает воздействие норманнов на культуру эскимосов, а также роль контактов с Азией (распространение железа) в развитии эскимосов Аляски и Канады.

В десятой главе, посвященной Австралии и Океании, Л. А. Файнберг рассматривает спорную проблему перуанско-полинезийских связей и высказывает вполне обоснованные сомнения в сколько-нибудь существенном влиянии раннеклассовых обществ Америки на океанийцев. Он анализирует вопрос об индонезийских влияниях на западные районы Новой Гвинеи (кстати, автор мог бы указать на пример и более ранних контактов, о которых говорит находка здесь догшонских вещей, упоминаемая М. А. Членовым — стр. 75) и выявляет направления воздействия макассаров и бугов на австралийцев. Следует лишь уточнить, что, по последним данным, плавание макассаров в Австралию началось в период 1650—1750 гг. н. э.⁹

Подводя итоги, в заключительной главе А. И. Першиц и А. М. Хазанов приходят к выводу о том, что «исторические контакты представляют собой... одно из конкретных и притом очень важных проявлений закона единства всемирно-исторического развития» (стр. 257), в силу которого подавляющее большинство СПО подверглось воздействию со стороны классовых обществ (стр. 239). А. И. Першиц и А. М. Хазанов справедливо считают, что проблема контактов может рассматриваться лишь конкретно-исторически, и в связи с этим делают попытку дифференцировать контакты по форме, интенсивности, широте и глубине, функции и т. д. По их мнению, контакты выступали в форме взаимодействия или воздействия, были непосредственными и опосредствован-

⁵ Ю. Б. Симченко. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976, с. 75—78.

⁶ И. И. Крупник. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев.— «Сов. этнография», 1976, № 2, с. 60, 61.

⁷ Там же, с. 64.

⁸ G. Gjessing. Changing Lapps. A study in culture relations in Northernmost Norway. London, 1954, p. 14—17; O. Virren. Some trends of the transition from hunting to nomadic economy in Finmark.— «Circumpolar problems». Oxford, 1973, p. 185—188.

⁹ C. C. Macknight. The voyage to Marege'. Macassan trepangers in Northern Australia. Melbourne, 1976, p. 97.

ными, различались по степени интенсивности, а также по способу их осуществления. Ясно, что тот или иной характер контактов оказывал прямое влияние на их результаты. Не менее важно, указывают авторы, учитывать особенности контактировавших обществ: с одной стороны, раннеклассовых, рабовладельческих или феодальных, а с другой — обществ с присваивающим хозяйством, раннеземледельческих и предклассовых обществ (стр. 240—242). Предложенный дифференцированный подход к проблеме контактов позволил А. И. Першицу и А. М. Хазанову, используя собранные в монографии поистине колоссальные фактические материалы, вскрыть важные особенности контактов в разные исторические эпохи и дать оценку роли контактов для обеих взаимодействующих сторон с учетом региональных особенностей. Эти исследователи пришли к интересным выводам о том, что характер контактов и их результаты во многом зависели от формационной и типологической принадлежности контактировавших обществ, причем чем более эти общества стадияльно соответствовали друг другу и чем выше был уровень развития СПО, тем эффективнее проходили контакты. Определенную роль играло и взаимное территориальное расположение контактировавших обществ: ближняя периферия обычно отличалась более высоким уровнем развития, чем дальняя; а более развитые СПО легче всего воспринимали самые различные культурные импульсы, исходящие от соседних классовых обществ. Напротив, менее развитые СПО воспринимали внешние влияния весьма избирательно, легче всего они заимствовали отдельные элементы материальной и духовной культуры. Чрезвычайно важным представляется вывод о том, что в большинстве случаев воздействие классовых обществ имело тенденцию стимулировать развитие развитых и отставание отсталых СПО. Речь здесь, естественно, идет о влиянии со стороны докапиталистических классовых обществ. Впрочем, этот вывод равным образом справедлив и для капиталистических обществ. Другой не менее важный вывод заключается в том, что наиболее консервативной общественной структурой являлась социальная организация: она дольше всего была способна сопротивляться изменениям, вызываемым контактами. Классовые общества также испытывали определенное влияние со стороны СПО, причем, как указывают А. И. Першиц и А. М. Хазанов, наиболее стимулирующим оно было для развития античной цивилизации.

Итогом рассмотренной главы служит вывод о том, что репрезентативность СПО для прямых суждений об АПО крайне ограничена. Это важное заключение предостерегает от механического переноса сведений об СПО на АПО и призывает к необходимости проведения предварительного источниковедческого анализа.

Рецензируемая монография представляет собой весомый вклад как в развитие конкретных историко-этнографических исследований, так и в их теоретическое осмысление. Нельзя, конечно, сказать, что проблема исторических контактов теперь полностью исчерпана. Этому, как считают сами авторы, в ряде случаев мешает разный характер источников и разная степень изученности различных регионов. Однако любое новаторское исследование подобного рода никогда и не претендует на всеобъемлющее освещение всех затронутых в нем проблем. Ценность работы авторов заключается в другом — в попытке глубоко, на теоретическом уровне проанализировать проблему контактов между типологически несходными обществами в доколумбову эпоху. Такая попытка поистине глобального масштаба предпринимается в мировой практике впервые. Другим несомненным достоинством монографии является принципиальное решение вопроса о репрезентативности СПО для реконструкции истории первобытного общества, создающее новые условия для изучения проблемы источниковедения первобытной истории. Рассмотренное исследование, безусловно, послужит солидной основой для дальнейшего анализа поставленных в нем проблем, и за это мы можем быть только благодарны его авторам.

В. А. Шнирельман

Г. Е. Марков. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. Учебное пособие. М., 1979, 305 стр.

Первое, что хочется отметить, говоря о новой книге Г. Е. Маркова — это то, что ее можно сказать, давно уже ждали. Практически во всех университетах и педагогических институтах страны в той или иной форме и в том или ином объеме студентам-историкам (отнюдь не одним только этнографам!) читается курс, который изложен в рецензируемом учебном пособии. Но если для истории капиталистического хозяйства или, скажем, для общего курса истории народного хозяйства СССР есть достаточно авторитетные и проверенные временем учебные пособия и даже учебники, то более ранним стадиям общественного развития в этом отношении «повезло» гораздо меньше. Хотя ни у кого не вызывает сомнения, что изучение истории хозяйства необходимо, притом с самых ранних этапов развития человеческого общества. И потому первое достоинство новой работы — ее своевременность.

Как сообщает сам автор, в основу пособия, помимо обширной литературы, положены собственные исследования Г. Е. Маркова и опыт полутора десятилетий чтения кур-